

85.143(3)

С77

БРАТЯ ЛИМБУРГИ
ВРЕМЕНА ГОДА

85.143(3)
С77

БРАТЯ ЛИМБУРГИ ВРЕМЕНА ГОДА

754
С77

В. СТАРОДУБОВА

J anvier a. un. iour		Ja nuar	fo bre
Et la lune. ix.		Des iours	de
		mes. an.	nou
ij		vij rebij	re
ij	O ctaves saint estienne.	vij iur.	
iiij	O ct. s. iehan. seigneurieue.	vij xij.	vij
v	O ctaves des innocens.	vij xviij.	re
viij	S aint symeon.	vij xxiij.	v
ix		vij xxviii.	
x	S aint flamboy.	vij xxx.	vij
xij	S aint luaci.	vij xxxiiij.	ij
xiiij	S aint pol. premier hermit.	vij xxxv.	ij
xv	S aint guillaume.	vij xxxix.	ij
xviij	S aint sauveur.	vij lxx.	ij
xx	S aint laur.	vij lxxiiij.	ij
xxiiij	S aint iehan.	vij lxxx.	ij
xxv	S aint sefir.	vij lxxxiiij.	ij
xxviiij	S aint nic.	vij lxxxv.	ij
xxix	S aint nicol.	re .o.	ij
xxx	S aint anthoine.	re .ij.	ij
xxxiij	S aint pulce.	re .v.	ij
xxxv	S aint lonier.	re .viij.	ij
xxxviiij	S aint schulden.	re .x.	ij
xxxix	S aint agnes.	re .xiiij.	ij
xl		re .xviiij.	ij
xliij	S aint nicolaus.	re .xx.	ij
xliij	S aint habile.	re .xxiiij.	ij
xliij		re .xxv.	ij
xliij	S aint polycarpe.	re .xxviiij.	ij
xliij	S aint iehan.	re .xxx.	ij
xliij	S aint agnes.	re .xxxiiij.	ij
xliij	S aint paul.	re .xxxv.	ij
xliij	S ainte barthelemy.	re .xxxix.	ij
xliij	S aint nicolan.	re .lxx.	ij

АБОНЕМЕНТ

Ф. № 212

362964

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЙОННАЯ
библиотека № 148
Л. ТОЛСТОГО

Ф. № 212

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
МОСКВА, 1974

Миниатюры «Времена года» были выполнены братьями Лимбургами для «Великолепного часослова герцога Беррийского». Часословы, или точнее книги часов (часовники), появились в Западной Европе в XIII веке, однако особенное распространение они получили в XIV—XV веках, в связи с ростом грамотности. Прежние мастерские, сосредоточенные в основном в монастырях, не могли справиться со всеми заказами, и в городах возникают собственные цехи, объединяющие переплетчиков, пергаментщиков, скрипторов — мастеров черного текста, рубрикаторов, выводивших красной киноварью или лазурью заглавные строки, специалистов по разрывке инициалов и, наконец, художников. Несмотря на возможность некоторых вариаций, структура и состав часословов были довольно устойчивы. Так, все они начинались с календаря, который обычно сопровождался изображениями трудов и развлечений в различные времена года и знаками зодиака, затем следовали извлечения из евангелий, молитвы и т. д., приуроченные к определенному Часу (название церковной службы), отсюда и наименование — часослов. Украшенный драгоценными миниатюрами, одетый в великолепный переплет, часослов был в то время излюбленным подарком, предназначавшимся для особо торжественных случаев: бракосочетания, рождения первенца и т. д. Он становился семейным сокровищем, реликвией, любимой книгой, к которой обращаются не только из благочестия, но и как к источнику эстетического наслаждения и радости. Кроме того, часослов содержал ряд сведений практического характера по астрономии, астрологии, медицине и т. п., что делало его своеобразной домашней энциклопедией. Попадая в руки городских мастеров, часословы делаются все более нарядными и красочными: инициалы прорастают грациозными чудовищами, «гротесками», поля рукописей покрываются луговыми травами, цветами, кустиками лесной земляники,

яркими бабочками, стрекозами, птицами, зверьками — и все это цветет и резвится на пергаментных листах манускриптов в гармоническом, исполненном строгого изящества единстве. Выполненные рукой наблюдательных, талантливых мастеров, эти маргиналы (украшения на полях рукописей) играют, однако, не только декоративную роль. Каждое изображение исполнено символики и внутреннего значения, которые были понятны людям той эпохи. Весь мир, земля и звезды, горы и реки, все, что живет и растет, находится в неразрывной и таинственной взаимосвязи. Любая малость несет на себе отсвет величия мироздания, и человек неотделим от этого единства — он его неотъемлемая часть. Поэтому для художника нет ничего второстепенного, все полно глубокого смысла и значения, как часть великого всеобщего. Отсюда то трогательное, подчас простодушное, но исполненное благоговейного трепета перед величием и красотой мира старание мастера запечатлеть все, что его окружает, с такой любовной тщательностью и вниманием, которое мы наблюдаем в живописи того времени вообще и в миниатюре в частности. Словно в упоении новыми открытиями, вдохновленный огромными возможностями, распахнувшими перед ним целый мир, художник создает произведения удивительной красоты и силы, совершенные по стилю, отмеченные высокой духовностью и глубокой общечеловеческой значимостью.

Над рукописью каждого часослова трудилось большое число людей, иногда в течение многих лет, и недаром создание такого манускрипта сравнивают порой со строительством собора, и как нет ни одного одинакового храма, так не дошло до нас двух абсолютно идентичных книг. Связь с архитектурой проявляется не только в этом внешнем сходстве — она много глубже и органичнее: будучи вплоть до XV века ведущим видом искусства, основным средством выражения духовной жизни

человечества, зодчество не только формально подчиняло себе все другие области художественного творчества, но и являлось своеобразным поэтическим эталоном. Подобно фреске, стелющейся по глади церковной стены, миниатюра хранит верность плоскости листа; строгое и прекрасное готическое письмо нанизано на четкую горизонталь строк, которые, в свою очередь, словно стройные ряды каменной кладки, вырастают на вертикальной плоскости листа. Мерный ритм красочных заглавий подчеркивает ясность каркаса, смысловые узлы которого отмечены миниатюрами и инициалами. Все это превращает каждую страницу рукописи в произведение высокого графического искусства.

Конец XIV — начало XV века — время высокого расцвета искусства рукописной книги. Начиная с великолепных переплетов, подлинного чуда эллинистического мастерства, изысканных инициалов, звонких и чистых, как эмали, миниатюр и кончая самой формой готического шрифта — все здесь отмечено не только совершенством отдельных элементов, где профессионализм доведен до артистизма, но и удивительным художественным единством, глубоким пониманием специфики искусства книги, в которой одновременно видели и книгу и драгоценный предмет. Этот синтез, так же, как и синтез зодчества, скульптуры и живописи, о котором грезили и к которому подчас тщетно стремились мастера позднейших эпох, не был чем-то искусственно привнесенным, а являлся выражением цельности художественного мышления, обусловленным цельностью мировосприятия. Эта эпоха, называемая «золотым веком» рукописи, оставила нам подлинные шедевры, равных которым не знало искусство рукописной книги, но и среди них «Великолепный часослов герцога Беррийского» занимает особое место, и его по праву можно назвать «королем манускриптов». Первое упоминание о часослове мы находим в инвентарях герцога Беррийского за 1416 год.

Под № 1164 читаем: «...а так же в ларце многие тетради Великолепного часослова, что делал Поль и его братья, весьма обильно украшенные и иллюминированные», и далее называется стоимость часослова — «500 турских ливров».

О создателях часослова братьях Лимбургах—Поле, Жане (Жанекине) и Эрмане мы знаем очень немного. Считается, что родом они из Немега, герцогства Гельдского (между Маасом и Рейном). Отец их Арнольд Лимбург был скульптором и резчиком по дереву, мать — сестрой известного художника того времени Жана Малуэля. Рано осиротевшие братья Лимбурги, очевидно, заботами своего дяди Жана Малуэля еще совсем детьми были отправлены в Париж учиться ювелирному делу. Выбор был сделан удачно, ибо Париж в это время становится крупнейшим художественным центром Северной Европы. Сюда приезжают мастера из французских, фламандских, немецких, бургундских и других городов. Братья Лимбурги могли научиться здесь не только мастерству, но с восприимчивостью, свойственной гению, проникнуться духом большого искусства, создаваемого в столице Франции. Это в значительной степени способствовало тому, что они не только стали мастерами европейского уровня, но во многом опередили художественные искания своей эпохи. Разразившаяся чума вынудила братьев в 1399 году покинуть столицу. По дороге домой из-за конфликта между Брабантом и Гельдрией художники на шесть месяцев вынуждены были задержаться в Брюсселе. Наконец, благодаря поручительству ювелиров и художников города братьев отпустили под залог в 55 эю, который внес за них (2 мая 1400 года) герцог Бургундский — Филипп Смелый, покровитель их дяди Жана Малуэля. С этого времени они, очевидно, живут при бургундском дворе, так как имена Поля и Жана Малуэлей встречаются в счетах герцога за 1402—1403 годы

в связи с работой над украшением «Очень красивой Библии». Следующее упоминание о братьях мы встречаем уже в счетах и инвентарях герцога Жана Беррийского, ко двору которого они переехали вскоре после смерти Филиппа Смелого. Первое упоминание о Лимбургах в инвентарях герцога Беррийского встречается в 1402 году* в связи с уплатой им 47 золотых монет. К 1410 году братья, в особенности Поль, входят в ближайшее окружение герцога, и последний явно благоволил им. Интересная запись, сохранившаяся в инвентаре, дает представление о характере отношений между молодыми художниками и их покровителем. Перечисляя подарки, полученные герцогом по случаю 1 января 1410 года, составитель описи пишет: «... а также книга из цельного куска дерева, подделанная под настоящую, но где нет ни единого испанного листа, переплетенная в белый бархат с позолоченными застежками и с гербами Монсеньора, оную книгу Поль Лимбург и его два брата преподнесли нашему Сеньору...» Зная страсть Жана Беррийского к манускриптам, художники попросту подшутили над ним. Чтобы сыграть подобную шутку с сыном короля Иоанна Доброго, братом Карла V и дядей правившего в то время Карла VI, надо было быть твердо уверенным, что она будет хорошо принята и оценена, а это, в свою очередь, говорит не только о давно сложившихся, но и дружеских отношениях.

Жан Французский, герцог Беррийский (1340—1416) был личностью далеко не заурядной. Дипломат, полководец, государственный деятель, меценат, он играл заметную роль в истории Франции той эпохи: все 76 лет его жизни приходится на годы Столетней войны с Англией (1337—1453). Сражения и заговоры, дипломатические миссии,

* Guiffrey J. Inventaires de Jean duc de Berry, t 2, p. 26 N 122; t. I, p. LXXVIII

годы плена, проведенные Жаном Беррийским в Англии (в качестве заложника за своего отца Иоанна Доброго), кровавая распря между двумя ветвями королевской семьи — Орлеанской и Бургундской (война Арманьяков и Бургинонов), во время которой герцог потерял много близких и его собственная жизнь не раз висела на волоске, а многие его владения были разграблены и сожжены, частые эпидемии чумы, опустошавшие Европу, — все это воссоздает картину, далекую от мирного благоденствия, отнюдь не благоприятствующую увлечению искусством. Но действительная потребность прекрасного навсегда оставила имя Жана Беррийского в памяти человечества. Герцог любил окружать себя красивыми и редкими вещами. Его инвентари изобилуют перечислениями удивительных по красоте и ценности рубинов, сапфиров, тончайших изделий ювелирного мастерства, драгоценных ковров и т. д. Но самыми ценными и самыми любимыми среди всех этих сокровищ были манускрипты. С ненасытностью подлинной страсти герцог не только собирает и скупает рукописи, но и заказывает новые самым прославленным и одаренным художникам. Жан Беррийский, очевидно, обладал даром находить и привязывать к себе талантливых людей: среди его приближенных был известный писатель Жан Аграсский (по некоторым источникам — секретарь герцога), прославивший свое имя переработкой народных сказаний в «Роман о Мелузине» (около 1390), его библиотекарем и советником в делах искусства был миланский миниатюрист Пьер Веронский. Известнейшие ювелиры, архитекторы и художники трудились при его дворе над созданием рукописей, возводили и украшали соборы и замки: среди них были Ги де Дамартен и его брат Дре, Андре Боннёве, Жакмар Эсденский и, наконец, братья Лимбурги. В инвентарях герцога значится большое количество великолепных манускриптов

не только религиозного, но и светского содержания: 41 историческая хроника, 38 рыцарских романов, путешествие Марко Поло, географические карты, сочинения Аристотеля, Боккаччо, книги по астрономии, астрологии и т. д. Кроме того, 15 библий, 16 псалтырей, 18 требников, 6 миссалов и 15 часословов. Именно последние составляют наиболее интересную и ценную часть библиотеки. Можно предположить, что Жан Беррийский предпочитал заказывать своим художникам именно часословы, поскольку они не входили в ранг церковных книг, не были канонизированы, и мастер чувствовал себя здесь свободнее, многое зависело от воли и вкуса самого заказчика. Известны два часослова, выполненные братьями Лимбургами для герцога Беррийского. «Прекрасный часослов» и «Великолепный часослов». Первый был создан до 1413, так как он упоминается в инвентаре этого года, второй — до 1416. Поскольку 15 июля 1416 года скончался герцог, а братья Лимбурги, как принято считать, умерли на несколько месяцев раньше него, то есть в феврале — марте этого года. В инвентаре 1416 года часослов значится как незаконченный.

«Великолепный часослов» несет на себе черты нового мироощущения, которым пронизана, вдохновлена и озарена каждая миниатюра календаря. Быть может, раньше и ярче, чем в других произведениях той эпохи, проявились в часослове те новые веяния, то новое отношение к окружающему миру, которые принято называть Ранним Возрождением. Лимбурги не только внимательны к передаче конкретных жизненных деталей — современного костюма, обстановки и т. д., что было и у их предшественников, но здесь делается попытка передать все эти детали в их действительных связях, в реальной пространственной среде, пользуясь законами перспективы и знанием анатомии. Меняется и отношение к идее пространства

Отказавшись от орнаментального фона, живопись расстается с плоскостью, на которой она распластывалась до сих пор, вертикальные планы начинают уходить в глубину, линия горизонта опускается, рельефнее моделируются объемы. Уже начиная с XIII века, изображая труды и занятия различных месяцев, художники порой мастерски передавали фигуру человека, греющегося у огня, в «Феврале» или кося в «Июне», всадника с соколом в «Мае» и т. д., эти изображения становились как бы символами того или иного месяца, существующими вне времени и пространства, вечные, как мир, отточенные, как геральдический знак. Иное дело «Времена года» в «Великолепном часослове». Хотя и здесь в «Феврале», следуя давней традиции, люди по-прежнему греются у огня, но это уже не замкнутое в самом себе действие, вырванное из контекста реальных временных и пространственных отношений, а данное в неразрывной связи с ними. Это было гениальное открытие мира, хотя и подготовленное собственным опытом и опытом предшественников, но все же именно открытие с его радостью внезапности, подобной прозрению, подобной поэтическому откровению перед прекрасным ликом жизни. То, что прежде было знаком, стало образом, в котором воплощен целый мир. Жизнь людей на маленькой, занесенной снегом ферме, вливается в ясный строй мироздания как его неотъемлемая частица. Изображаемая сцена, казалось бы, буднична и обычна, но почему же она производит столь сильное впечатление, что, однажды увидев ее, мы уже навсегда связываем с нею наше представление о зиме? Какая вечная правда угадана здесь — правда труда, правда природы? Как удалось художнику в столь малом и частном воплотить великое чудо, раскрыть через жизнь природы смысл жизни человека, показать как естественно и мудро, с непреложностью времен года, времена человеческой жизни сменяют

друг друга и каждому сопутствуют свои радости и свои заботы, и хотя облик одного месяца отличен от другого, как и периоды нашей жизни, но каждый исполнен своего смысла и красоты.

В «Марте» пашут и подрезают виноградники, традиционная фигура пахаря органично вписывается в общий контекст. Если в «Феврале» нас поражает мастерство в передаче оттенков белого в нетронutom снегу, в следах на нем, то здесь с тою же наблюдательностью передается цвет оттаявшей земли, отличный от цвета вспаханной зяби, и снова иной — в глубоких бороздах. Но самое удивительное, что в своем открытии мира Лимбурги, быть может, первыми в искусстве той эпохи, вторгаются в область, которая до сих пор была вне поля зрения живописца, в область световоздушной среды. Они начинают учитывать местонахождение источника света, предметы в их миниатюрах обретают тени! Свет уже не только моделирует объемы, но воспринимается как определенная реальность, как элемент среды. Ни одному художнику до Лимбургов не удавалось с таким совершенством передать неуловимую прозрачность тени как образ отраженного предмета. Тень как отражение встречается лишь в нескольких миниатюрах, сопровождающих календарь: в «Марте», «Октябре», где ясно видны тени от фигур пахаря и всадника, менее отчетливо — в «Декабре». В «Июне» и «Сентябре» видны голубоватые отражения каминных труб на сером шифере дворцовых кровель, в то время как фигуры переднего плана лишены тени. Известно, что над часословом работали три мастера (не считая их помощников). Очевидно, кто-то из них «открыл» тень, но остальные почему-то не использовали это открытие.

В календаре отчетливее, чем в остальной части часослова, ощутимо наличие нескольких творческих манер. Так, явная стилистическая близость объединяет «Январь», «Апрель», «Май» и «Август»,

посвященные изображению сцен придворной жизни. Впереди крупным планом даются группы изысканно и празднично одетых людей; действие, наподобие рельефа, разворачивается как бы между двумя пространственными плоскостями, фоном служит либо пейзаж с замком, либо ковер. Именно в этих четырех миниатюрах верхние тимпаны остались незаконченными и не имеют астрономических обозначений.

Явно близки между собою «Февраль», «Июнь», «Июль», где персонажи распределены в пространственных планах более равномерно: от фигур переднего плана взгляд переходит к меньшим фигурам второго плана, которые образуют естественное звено, связывающее фигуры с фоном. Миниатюрист с большой поэтичностью рассказывает о полевых работах, о трудах и заботах людей и еще о том, как прекрасна земля, озаренная ясным сиянием небес, орошаемая прохладными ручьями, благоухающая запахом сена и спелых хлебов, о том, как благословенно тепло очага в холодный февральский день.

И наконец, «Март», «Октябрь» и «Декабрь»: в них — тоже труды различных времен года, но эти миниатюры выделяются совершенно необычным для своей эпохи интересом к передаче освещения. Источник света всегда находится слева, и он един для всей композиции. Художник, словно в упоении своим открытием, передает не только тени, отбрасываемые пахарем, сеятелем, но и прилежно наносит тончайшей кисточкой более темный тон, изображая тени скачущих сорок, тень, отбрасываемую крошечной фигуркой человека, стоящего у стены Луврского замка, отражения лодок, прачек, собак и прохожих в водах Сены. Мастер также стремится передать подмеченные им эффекты солнечного освещения: в изображении архитектуры одна стена, как правило, освещена, другая — в тени, но верхушки башенок и выступающие части этой

Илл. 5, 20,
23

Илл. 9, 31
35

затененной стены пишутся более светлым тоном, словно освещаемые солнцем.

«Март» и в особенности «Октябрь» и «Декабрь» отличаются более органичным решением пространства. Если «Февраль» и «Июль» состоят как бы из суммы отдельных микромиров: люди у огня, дровосек и крестьянин с осликом — в одном, стригали овец и жнецы — в другом, то «Октябрь» и «Декабрь» явно тяготеют к большему единству в построении пространства*.

Однако не следует слишком увлекаться анализом различных манер, так как в общем «Календарь» производит цельное художественное впечатление, и подразделение на какие-либо группы в значительной степени условно. Каждая миниатюра — плод совместного труда нескольких художников, поэтому так близки по исполнению фигуры косцов в «Июле» и «Августе», изображение архитектуры в «Июне» и «Октябре», «Марте» и «Апреле», отнесенные к различным манерам. Миниатюры «Времена года» воплотили в себе новое отношение к природе, которое начинает складываться на рубеже XIV—XV веков. Средневековому человеку отнюдь не была чужда сама идея красоты природы: об этом говорит поэзия того времени, где воспеваются красота синего неба, благоухание цветов, прелесть цветущего сада, где чувство пробуждающейся любви сравнивается с возрождающейся природой. Однако поэт оперирует, как правило, лишь общими понятиями, лишенными конкретной характеристики. Тот же подход можно видеть и у живописцев: рисуя группу зеленых деревьев, они как бы говорят зрителю — действие происходит в лесу, если изображены цветущие кусты роз — это сад, и т. д. Лимбургские миниатюры часослова.

* Следует отметить, что цикл «Времена года» стилистически вообще значительно отличается от остальных приписываемых Лимбургским миниатюрам часослова.

определили свою эпоху, создав пейзажи совершенно конкретной местности: луг на островке Жюиф, рядом с Сите, скрывшийся впоследствии под насыпью Нового моста (в сцене июньского сенокоса); поле напротив Лувра, на месте нынешней набережной Малаке — в «Октябре»; побуревшая дубовая роща вокруг Венсенского замка — в «Декабре». Художники удивительно точно запечатлели архитектуру своей эпохи: мы узнаем и сияющую на фоне неба Сен-Шапель, и двоянные башни Консьержери, и четырехгранные громады Венсена, и мощный донжон замка Этамп, сохранившиеся до наших дней. Миниатюры календаря представляют большой интерес не только как уникальный памятник искусства, намного опередивший в смысле художественных открытий свое время, но и как ценнейший памятник истории культуры, дающий представление об облике многих несохранившихся зданий, о том, как сеяли и убирали хлеб, какими были лошади для верховой езды и на каких работали в поле, об охоте, об орудиях труда, утвари, костюмах различных слоев общества и т. д.

«Великолепный часослов герцога Беррийского» необычен и по количеству сведений научного характера, которые в нем заключены. Без преувеличения можно сказать, что это своеобразная энциклопедия той эпохи, содержащая точные астрономические таблицы, по которым можно вычислить новолуние для любого года, узнать продолжительность любого дня с точностью до минуты. Однако этим не исчерпывается круг сведений, которые можно почерпнуть из календаря. За миниатюрами двенадцати месяцев следует изображение «Зодиакального человека» — совершенно необычное для рукописных часословов. Существует вполне обоснованное предположение, что это изображение имеет отношение не столько к астрологии, сколько к области астрологической медицины, которая в ту эпоху была важнейшей отраслью медицинской

науки. Иными словами, и с точки зрения эстетической, и с точки зрения истории культуры и науки календарь часослова герцога Беррийского представляет собой явление действительно исключительное, и чем более углубляешься в его изучение, тем более неисчерпаемыми представляются богатства человеческого духа, запечатленные в нем.

Часослов герцога Беррийского выполнен на велени, тонком пергаменте, изготовлявшемся из телячьей кожи прекрасной выделки, он содержит 206 листов, размером 29×21 сантиметр. Датировка рукописи вызывает много споров*. Достоверно мы знаем только то, что работа над ней была прервана в связи со смертью герцога и братьев Лимбургов в 1416 году. Из 129 миниатюр рукописи около половины (65) было выполнено в мастерской братьев Лимбургов до 1416 года. Прерванная, как указывалось выше, в связи со смертью художников работа возобновилась лишь спустя много лет, в 1485—1489 годах, при Карле I Савойском. Автором второй серии миниатюр считается Жан Коломб, некоторые ученые предполагают, что он был старшим братом известного скульптора Мишеля Коломба. В календаре Жану Коломбу принадлежит целиком композиция «Ноября» и передний план с фигурами в «Сентябре». Различная степень законченности миниатюр, выполненных Лимбургами, дает возможность судить о том, в какой последовательности велась работа над иллюстрациями. Первоначально тонким пером прорисовывалась общая композиция, затем весь рисунок покрывался краской; сначала небо, потом архитектура, пейзаж и, наконец, фигуры переднего плана, и лишь в последнюю очередь тончайшей кистью

* Fr. Lehoux в своей четырехтомной монографии «Jean de France duc de Berry. Sa vie. Son action politique (1340—1416)», датирует часослов 1409—1416, другие исследователи дают более позднюю дату: 1413—1416 (J. Porcier, E. Panofsky)

Ф № 212

362964

И. Д. ТОЛСТОГО

прорисовывались лица. Какими же красками пользовались Лимбурги? Их немного, всего одиннадцать-двенадцать: две синие, три красные, розовая, фиолетовая, две зеленые, две желтые, белая, черная. Краски готовились в самой мастерской, затем смешивались с водой, в которую добавляли немного клеящего вещества. Кроме того, существовали профессиональные тайны, которые были известны лишь узкому кругу лиц. Так, некоторые краски растирались с добавлением уксуса, другие, наоборот, требовали щелочи, иногда надо было добавить несколько капель вина, меда, яичного белка и т. д. Самой дорогой и красивой краской был ультрамарин, который делали из драгоценной ляпис-лазури, привозимой с Востока. Эта краска не выцветает и не разлагается в течение столетий, она глубока и прозрачна, именно ею написаны сияющие небеса «Времен года». Вторая синяя, так называемая «немецкая лазурь», менее дорогая, добывалась из минерала, носящего название «саксонский кобальт». Одна из зеленых красок — тоже минерального происхождения — добывалась из малахита. Это она уже более пятисот лет радостно сверкает в зелени «Мая». Другая зеленая — растительного происхождения, ее готовили из диких ирисов. Растительного происхождения и фиолетовая краска, добывавшаяся из особых лишайников. Парижскую розовую делали из вытяжек древесного сока. Обе желтые — тоже минеральные. Из трех красных самая красивая — киноварь. Это ее вспышки ярко полыхают в праздничном «Январе». Вторая красная, менее дорогая, сурик или миний, давшая свое название целому виду искусства — миниатюре. И наконец, третья — земляная или красная охра. Белила использовались свинцовые. Черная краска — это сажа или толченый черный камень. Золото использовалось двух видов — либо в виде тончайших листочков, либо в виде порошка, наносившегося с помощью кистей, которые

тоже были особого качества. Тончайшая проработка деталей, отличающая миниатюры Лимбургов, заставила некоторых исследователей предположить, что они пользовались увеличительными стеклами.

После того как «Великолепный часослов» был в 1489 году закончен, он много раз переходил из рук в руки, путешествуя из Франции в Нидерланды, оттуда в Италию и т. д. На его красном сафьяновом переплете, более позднего происхождения, есть гербы генуэзской семьи Спинола и гербы Серра. В 1855 году драгоценный манускрипт был приобретен страстным коллекционером герцогом Омалем и затем вместе со всей его прекрасной коллекцией и замком Шантильи передан французскому государству. На базе коллекции Омалея был образован Музей Конде, который по праву называют «Малым Лувром».

Если попытаться облечь в слова впечатление, которое возникает, когда впервые видишь выполненную из мерцающего песчаника голову Нефертити, или погружаешься в многоцветную глубину Шартрского собора, или стоишь перед «Троицей» Рублева, то точнее всего можно говорить об ощущении встречи с чудом — чудом воплощения творческих возможностей человека. Это ощущение не приглушается с течением времени, а всякий раз вновь и вновь дарит нас благоговейной радостью сопричастности гению. Оно не может наскучить или стать привычным, подобно мигу поэтического откровения, которым порой одаряет человека сама природа. Таким драгоценным чудом предстают перед нами миниатюры братьев Лимбургов «Времена года» из часослова герцога Беррийского.

Январь имеет 31 день и 30 лун

Во времена Лимбургов во Франции пользовались календарем, в основу которого был положен Юлианский календарь (введен Юлием Цезарем в 46 г. до н. э., разработан александрийским астрономом Созигеном). Римский календарь не знал порядкового счета дней в месяце. Счет велся по числу дней до трех определенных моментов внутри каждого месяца: календ, нон и ид. Это деление ведет свое начало от лунного календаря, где календы означали новолуние, ноны — первую четверть луны, иды — полнолуние. И хотя Юлианский календарь был уже солнечным, он сохранил эти названия.

Первое число называлось «календы» от латинского слова «calare» — «звать», так как в древнем Риме народ созывался на Капитолий, когда помощник понтифика объявлял о начале нового месяца, отсюда и наше слово «календарь».

В часослове, в календаре «Января» первое число отмечено двумя причудливо украшенными буквами «KL». «Ноны» приходились на пятое или седьмое число. Против 2 января стоит цифра IV, справа от нее буква «N», то есть четвертый день от январских нон. Тринадцатое или пятнадцатое число называлось «иды», на месте, соответствующем 6 января, написано: «VIII» — то есть восьмой день от январских ид, 14 января называли «XIX день от календ февраля» и т. д. В следующей графе указывались церковные праздники и дни того или иного святого: IV день от январских нон — св. Этьен, XII день от февральских календ — св. Агнеса и т. п. Некоторые строки пропущены, но не потому, что в этот день нет праздника, а скорее напротив: 6 января (VIII иды) — «Крещение», очевидно, эта надпись должна была быть

выделена особо, но поскольку часослов остался незаконченным, место так и осталось пустым.

За именами святых следует графа продолжительности дня: синим обозначаются часы, красным — минуты. Наличие этой графы, с точной астрономической информацией — редчайший случай, даже в гораздо более поздних манускриптах она часто отсутствует*.

Две крайние графы содержат римские цифры от I до XIX. Это наводит на мысль, что они имеют отношение к движению луны. Еще в древности было известно, что все перемены новолуний, относительно дней месяца, охватывают период в 19 лет, а затем все повторяется сначала. Древнегреческий ученый Метон вывел эту закономерность еще в 432 году до нашей эры, и с тех пор в Афинах ежегодно на особой доске золотом писался очередной номер года девятнадцатилетнего цикла. Отсюда, как полагают, и название «золотое число». В календаре «Января» «золотые числа» стоят в крайней слева графе и выведены они золотом. «Золотые числа» давали возможность определять новолуния: по ним вычислялся день пасхи и других передвижных праздников. Во многих странах Европы (в том числе и во Франции до 1567 года) Новый год начинался с пасхи, что еще увеличивало необходимость точного знания движения луны. Для того чтобы согласовать греческое «золотое число» с началом летосчисления от «сотворения мира», христианская церковь вводит понятие номера круга луны, который на три единицы менее «золотого числа». Это «новое золотое число» и помещено в крайней графе справа. Чтобы вычислить номер круга луны, надо из цифры года вычесть 2 и полученное число

* Данные о продолжительности дня дали возможность установить, что этот календарь был составлен для широты 48°
Вычисления были произведены советским астрономом А. Б. Поляковым

разделить на 19 — остаток будет номером круга луны данного года, прибавив к этому числу 3 единицы, получим «золотое число» данного года: например, для 1973 года номер круга луны — 14, «золотое число» — 17. Чтобы вычислить новолуние, надо найти в крайнем слева столбце число 17, оно стоит против 27 января. В XV веке в этот день и было новолуние; теперь мы должны к 27 прибавить поправку на 7 единиц, благодаря чему и получим 3 февраля, день, на который действительно приходилось новолуние в 1973 году.

И наконец, справа от «золотых чисел» во II графе черной краской проставлены латинские буквы от «А» до «С». Это так называемые «воскресные буквы». Они введены для того, чтобы календарь не устарел, и им можно было пользоваться практически бесконечное число лет. Если известно, что воскресная буква такого-то года «А» — то все дни, против которых она проставлена, падают на воскресенье, если воскресная буква «Е» — то воскресеньями будут все дни, около которых стоит «Е». Для високосных лет давалось две буквы. Иными словами, перед нами вечный календарь, в котором содержатся данные о днях недели, продолжительности дня, праздниках, новолуниях и т. п.

За помощь в подготовке настоящего издания автор приносит благодарность астроному А. Б. Полякову.

Январь — пирует

Январь — одиннадцатый месяц древнеримского календаря, названный в честь бога Януса, ставший первым месяцем Юлианского календаря (46 год до н. э.). В течение многих столетий январь сопровождался изображением пира, однако, следуя давней традиции, братья Лимбурги трактуют эту тему по-новому.

На миниатюре изображен не «пир» вообще, а реальное событие, где место, время, действующие лица охарактеризованы вполне конкретно. В окружении придворных и друзей пирует за праздничным столом герцог Беррийский, одетый в синее, шитое золотом платье, подбитое мехом. За его спиной жарко пылает камин, прикрытый плетеным экраном, из-за которого вырывается дым и пламя. Слева золотыми буквами надпись: «Argroche, argroche» («Ближе, ближе»). Можно предположить, что с этими словами герцог обращается к своему собеседнику, предлагая ему пересесть поближе. Но скорее их произносит придворный, облеченный жезлом, приглашая вновь прибывших гостей приблизиться к огню.

Все участники сцены охарактеризованы настолько индивидуально, что уже давно делалась попытка их идентификации. Прежде всего сам Жан Беррийский, облик которого хорошо

известен нам по другим миниатюрам и портретам. Это уже немолодой человек (в момент создания часослова ему было около 70) с плотной фигурой, крепкой короткой шеей, энергично посаженной головой и лицом сангвиника. Даже в том, как положены на стол его руки, угадывается характер, более склонный к действию, нежели к рефлексии. В его собеседнике — седом прелате с мягкими округлыми движениями — многие склонны видеть портретное изображение епископа Шартрского — Мартина Гужа, который так же, как и герцог, был страстным библиофилом. Слева, на втором плане, наискось от прелата, выделяется своим обликом человек в сером колпаке, спущенном на правое ухо, в синей, отороченной мехом одежде. Высказывалось предположение, что это Поль Лимбург, а два молодых человека, лица которых несколько нарочито заслонены другими персонажами, — его братья. Возле стола спиной к зрителю стоят стольники (они разрезают дичь), виночерпий в синем плаще, шитом золотыми листьями померанца (эмблема, указывающая на принадлежность ко двору герцога Беррийского, так же, как буквы «VE»), и хлебодар в красно-белой с черными рукавами одежде. Должности виночерпия и хлебодара считались в средние века выше рангом, нежели стольника, так как они были

причастны к хлебу и вину — предметам священным, исполненным символического смысла.

Конкретность характеристик распространяется не только на людей, но и на утварь. На столе слева от герцога красуется великолепной чеканки золотой сосуд в форме корабля, нос и корма которого украшены башенками с фигурками лебедя и медведя — символами, всегда сопутствующими Жану Беррийскому. В литературе, посвященной часослову, этот сосуд обычно идентифицируется с так называемой «Солонкой с беседкой», однако ее описание в инвентарях герцога не соответствует изображению: там сказано, что у солонки был поддон о четырех колесах, а крышка солонки имела вид беседки, увитой гирляндами. Ничего этого на миниатюре нет: внутри сосуда явно проглядываются два небольших золотых блюда. В этом же инвентаре упоминается о роскошном золотом сосуде, принадлежавшем герцогу и называвшемся «Королевский неф». Не исключена возможность, что именно он изображен на этой миниатюре. На красном шелковом балдахине, осеняющем хозяйское место, вытканы медведь и лебедь. Сочетание двух слов «ours» (медведь) и «suyne» (лебедь) образуют своеобразный галантный ребус, заключающий имя некоей прекрасной дамы — Урсины, которую

герцог, как полагают, встретил во время своего пребывания в Англии. Покровительницей герцога также считалась св. Урсула. Среди утвари и яств по столу снуют две крошечные собаки из породы левреток, персонажи тоже вполне исторические, присмотр за которыми составлял особую должность при дворе, и в 1401 году был поручен некоей мадам Вийер; стены зала украшены прекрасными коврами с изображением батальных сцен, как предполагается, посвященных Троянской войне.

Миниатюры календаря в зависимости от времени года, от трудов и развлечений того или иного месяца отличаются колоритом и ритмом. Январь — праздничный, яркий, шумный и мажорный в своем многоцветье; широкая плоскость стола, покрытого белой скатертью, обилие белого в одеждах людей на переднем плане, оттененного большими пятнами синего, — знак снега, знак зимы. В лазурном тимпане, венчающем миниатюру, знаки зодиака «Козерог» и «Водолей», однако остальные графы, предназначенные для астрономических данных, остались незаполненными. Колесница солнца выполнена под явным влиянием медали, числящейся в инвентаре герцога Беррийского, на которой изображен «Император Ираклий, возвращающий в Иерусалим Крест Господень».

5—8

ФЕВРАЛЬ

Февраль — собирает хворост и греется у огня

Февраль — двенадцатый месяц древнеримского календаря и второй месяц Юлианского календаря. Этот месяц посвящался богу подземного царства Фебруусу. Название происходит от латинского слова «februarius», что значит «очистительный» и связано с обрядом очищения, отмечавшимся ежегодно 15 февраля.

Февраль последний, но подчас и самый суровый месяц зимы. Цвет февраля белый с синим, это — цвет зимы. На миниатюре изображена небольшая крестьянская ферма, обнесенная аккуратным плетнем. Так же, как в предыдущей миниатюре, где Лимбурги, подобно ювелирам, прочеканили всю золотую утварь, здесь они с тем же неторопливым искусством плетут

деревенскую изгородь: на равном расстоянии вбиты колья, которые затем плотно, как корзина, переплетены прутьями. В доме у очага греются крестьяне. Их высоко поднятые подошвы несколько не вяжутся с обычными представлениями о средневековой чопорности; эти персонажи скорее могли бы служить иллюстрацией озорных народных фаблю, нежели часослова. Женщина в красивом голубом платье (очевидно, хозяйка) ведет себя более сдержанно. Из плетеной трубы в серое зимнее небо поднимаются струйки дыма; возле дома сложены различные припасы: бочки и вязанки хвороста; замерзшие вороны долбят клювами снег, в овчарне сгрудились овцы, а около забора на помосте стоят четыре

ется крестьянин, погоняя серого ослика. Другой крестьянин обрубает в лесу сучья и вяжет их в вязанки.

Отдельные элементы этой композиции: люди у огня, дровосек и т. п. — обычные спутники февраля, изображения которых мы встречаем и в более ранних часословах. Однако эти обособленные знаки зимы братья Лимбурги связали в единую картину мира, создав не только первый в истории европейской живописи зимний пейзаж, но и воплотив в нем образ зимы — с ее заботами, холодами, с ее поэзией и красотой.

В тимпане помещены изображения знаков зодиака «Водолея» и «Рыб», а также различные астрономические данные.

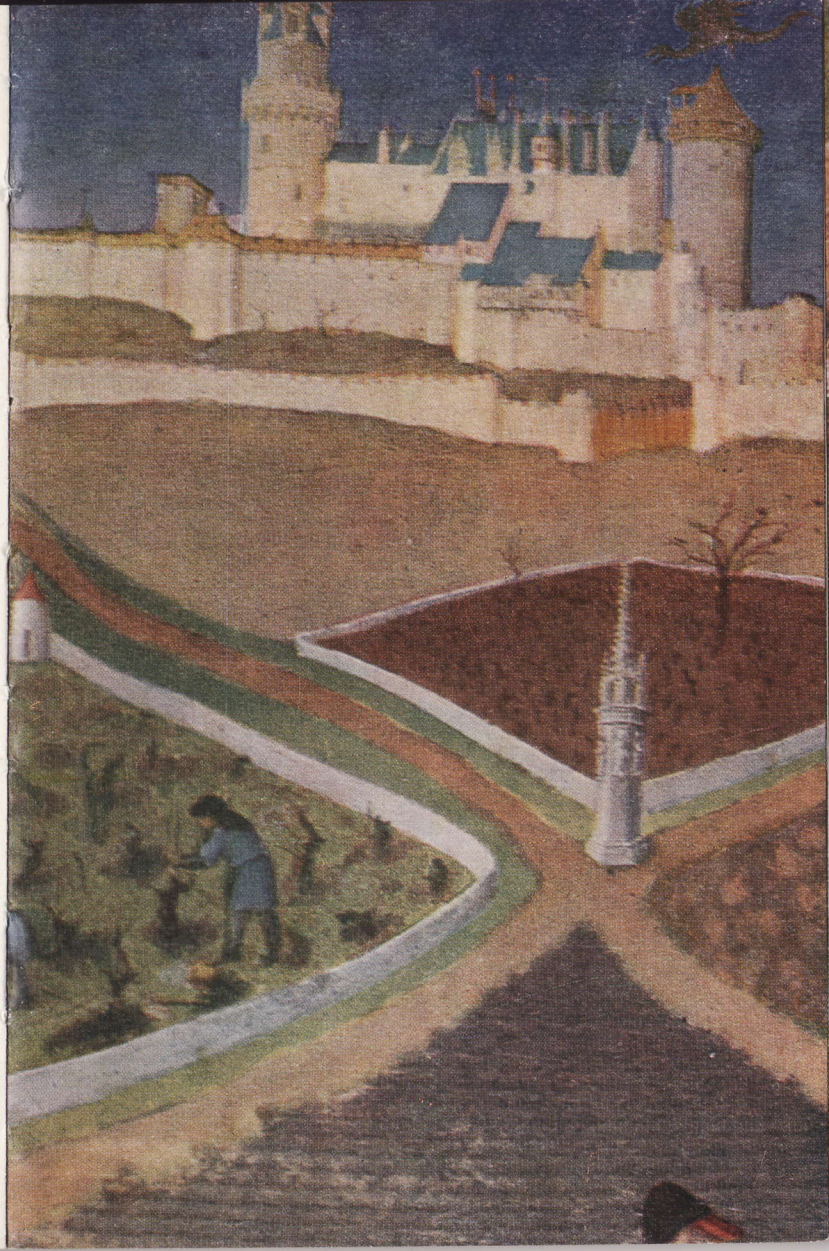

дорог белеет маленькая часовня — знак, которым часто отмечались границы земельных владений.

Главная забота марта — пахота, изображение которой и занимает передний план миниатюры. Во многовековой истории искусства найдется немного произведений, где бы человеческий труд понят был как необходимость, как смысл и содержание человеческой жизни и воплощен был бы с такой простотой и поэтичностью, как в миниатюрах братьев Лимбургов, превращающих картину мартовской пахоты в символ трудов человеческих.

В тимпане знаки «Рыб» и «Овна», градусы этих знаков и данные о новолуниях, рассчитанных для марта. Внешнее кольцо содержит цифры от 20 до 30 и от 1 до 19. Под этими цифрами надпись: «Finis graduum piscium. Initium gradii arietis — XX» — то есть «Конец градусов «Рыб». Начало «Овна» — XX градусов». Иными словами, здесь указывается, что солнце в течение марта проходит от 20 градуса «Рыб» до 19 градусов «Овна». (Заметим, что писец допустил неточность, указав во внешнем кольце цифру 19, а в соответствующей надписи римскую цифру XX.) На внутреннем кольце читаем: «Primationes lune mensis martis dies XXXI» — «Новолуния. Месяца марта 31 день». В следующем кольце под

12—15

АПРЕЛЬ

Апрель—пора помолвок и обручений

Апрель — второй месяц древнеримского календаря и четвертый месяц Юлианского — месяц раскрывающихся почек. Название месяца происходит от латинского слова «арегіге», что значит «раскрывается».

Апрель — месяц свежей травы, месяц обновления природы — пора помолвок и обручений. На переднем плане миниатюры сцена обручения: жених надевает кольцо на руку своей нареченной; возле них мужчина и женщина — очевидно, родители невесты, чуть правее на зеленом лугу — две золотоволосые девушки собирают цветы. (Согласно обычаям эпохи с распущенными волосами женщины могли ходить только до замужества.) Весенней красоте природы вторит изысканная праздничность одежд. Справа, за высокой

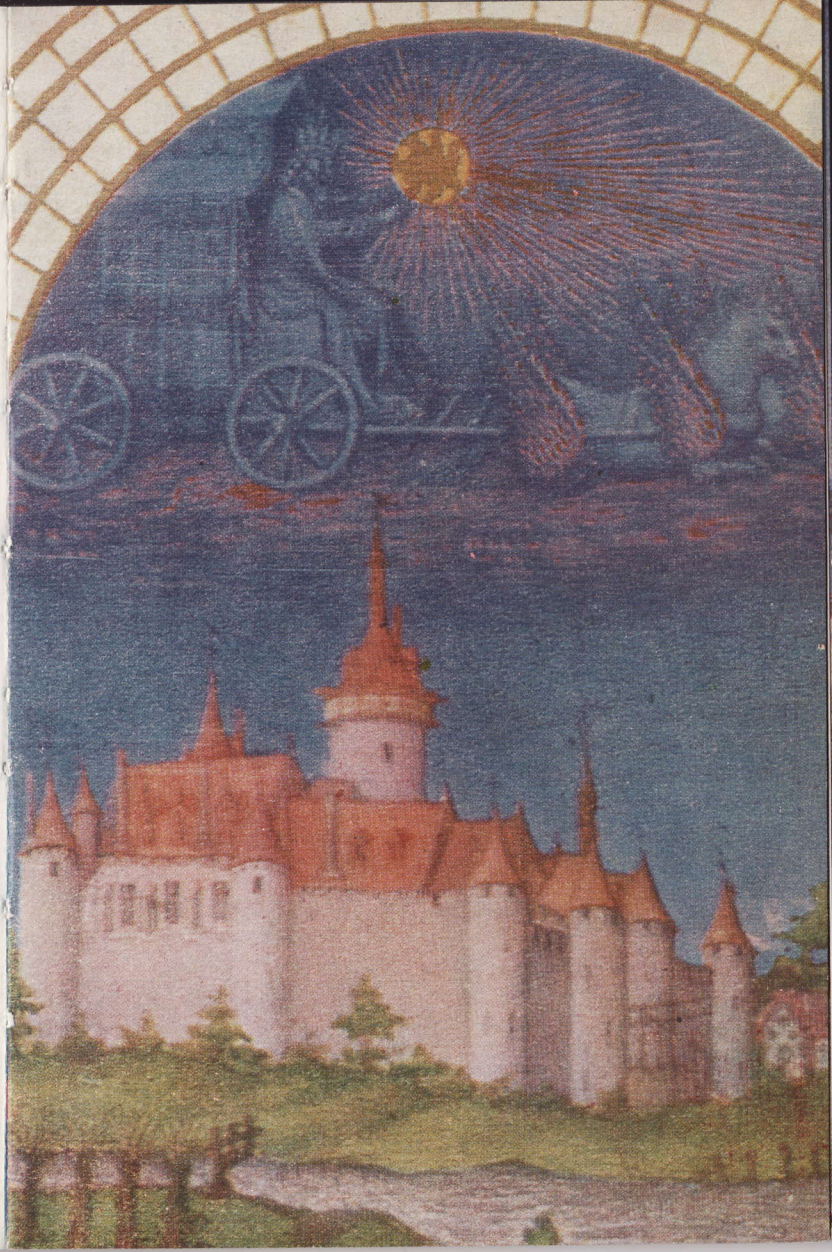
с лазурью, зеленым, розовым, черным — все это говорит о руке опытной и артистичной. Возможно, эти миниатюры были выполнены мастером, который по возрасту был несколько старше остальных создателей календаря: в рафинированной усложненности поз, элегантной удлинённости пропорций, в ломкой экспрессии складок, в декоративности общего решения ощущается связь с традициями поздней готики.

Не раз делались попытки идентифицировать участников сцены обручения. В женихе некоторые склонны видеть принца Шарля Орлеанского — известного поэта той эпохи, а в невесте внучку герцога Бонну де Берри. А быть может, здесь изображена церемония обручения самого Жана

Беррийского с Жанной Булонской, которая стала женой герцога после смерти его первой жены Жанны д'Арманьяк. В пользу этого предположения говорит тот факт, что календарь, да и весь часослов в целом посвящен самому герцогу Беррийскому. Мы повсюду встречаем его изображения, его символы, его девизы, его герб, наконец, его замки, его любимых животных и т. д. Правда, герцог несколько «помолодел» по сравнению с тем, каким он был представлен в «Январе».

Герцог Беррийский вступил во второй брак в 1389 году, когда ему было около 49 лет, а его невесте Жанне Булонской немногим более 12 лет. Согласно обычаям того времени, женщины могли вступать в брак с 12 лет, мужчины — с 14 лет.

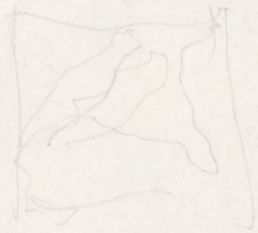
16—19

МАЙ

Май — праздник цветов и зеленяющих трав

Май — третий месяц древнеримского календаря, названный в честь богини Майи, матери Меркурия, и пятый месяц Юлианского. Майский праздник своими корнями уходит в далекую древность. Еще в языческие времена существовал обычай: с появлением первых зеленых листьев устраивать празднества. Часто они сопровождались конными ристалищами, победитель которых провозглашался королем мая и выбирал себе королеву мая. Праздничные процессии с музыкой и песнями отправлялись в леса или поля, участники украшали себя ветками и гирляндами свежей зелени. В XIV—XV веках при французском дворе ко дню 1 мая шились специальные «майские ливреи». Во Франции и до сих пор существует широко распространенный обычай дарить 1 мая ландыши. Отзвуки этих языческих обрядовых празднеств сохранились во многих европейских странах в детских

играх в «зелень» («Не поднять, не сорвать, вашу зелень показать»). Французское выражение «prendre sans verte» — буквально «захватить без зелени», то есть застать врасплох.

Под звуки флейт и тромбонов движется по весеннему лесу праздничная кавалькада. Впереди в серо-розовых одеждах музыканты, за ними трое нарядных кавалеров. В крайнем слева некоторые исследователи склонны видеть самого герцога Беррийского, одетого в великолепный синий упленд (вид одежды), шитый золотом и подбитый мехом. Рядом с герцогом юноша в красно-белой с черным одежде, взгляд которого обращен к амазонке на белом коне. На ней, как и на двух других дамах, майская ливрея и гирлянды зелени — обязательный атрибут всех участников сцены; конская сбруя также зеленого цвета. Голову женщины венчает причудливый убор, представляющий собой, согласно моде

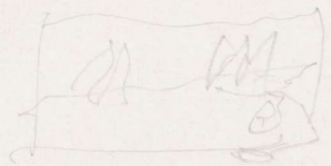

эпохи, валик в форме двурогого месяца, покрытый вуалью из тончайшей белой ткани. Предполагают, что здесь изображена дочь герцога — Мария Беррийская, а кавалер в красно-белочерной одежде — ее жених, Жан Бурбонский. Однако возможно, что, как и в «Апреле», это Жанна Булонская — вторая жена герцога. Известно, что бракосочетание состоялось в Риоме 8 июня 1389 года, что на всем пути (это было как раз в апреле — мае 1389 года) Жанну сопровождала великолепная свита. Герцог встречал свою будущую жену с королевской пышностью, высылая ей навстречу роскошные кареты, устраивая празднества и турниры. Небезынтересно отметить, что майскую ливрею всадницы украшает прекрасное ожерелье из красных камней с золотой кистью, точно такое же, как на невесте в «Апреле», оно чуть короче, так как завязано узлом на правом плече дамы,

чтобы не мешало при езде; в обоих случаях художник явно выделяет это украшение, привлекая к нему внимание зрителя. В зеленой траве резвятся две крошечные собаки, уже знакомые нам по «Январю»,— это тоже свидетельствует в пользу того, что сцена связана с самим Жаном Беррийским. Вдали за зеленым лесом видны островерхие кровли, башни и шпили какого-то города. Многие исследователи сходятся на том, что это Риом, столица Оверни, которую герцог получил в удел в 1360 году, но наряду с этим высказывается предположение, что изображен остров Сите в Париже. Стилистически «Май» близок «Январю» и «Апрелю» и так же, как последние, он не имеет в тимпанах никаких астрономических данных, кроме изображений знаков зодиака,— в данном случае это «Телец» и «Близнецы». (Хотя «Телец» почему-то изображен больше похожим на «Овна».)

20—22

ИЮНЬ

Июнь — косит сено

Июнь — четвертый месяц древнеримского календаря, названный в честь Юноны — жены Юпитера, шестой месяц Юлианского календаря.

На левом берегу Сены, на месте нынешнего здания Института Франции в XV веке находился Нельский отель — резиденция герцога Беррийского в Париже. (Институт Франции, объединяющий пять Академий, размещился в бывшем здании Коллежа четырех наций, построенном в 1663—1684 годах архитектором Лево на средства, завещанные кардиналом Мазарини.)

Очевидно, именно из окон Нельского отеля открывался пейзаж, который мы видим на миниатюре. На широком дугу трое мужчин в полотняных рубахах — камизах косят траву. Женщины с лицами, прикрытыми от солнца, сгребают и копнят сено — у одной из них в руках деревянные

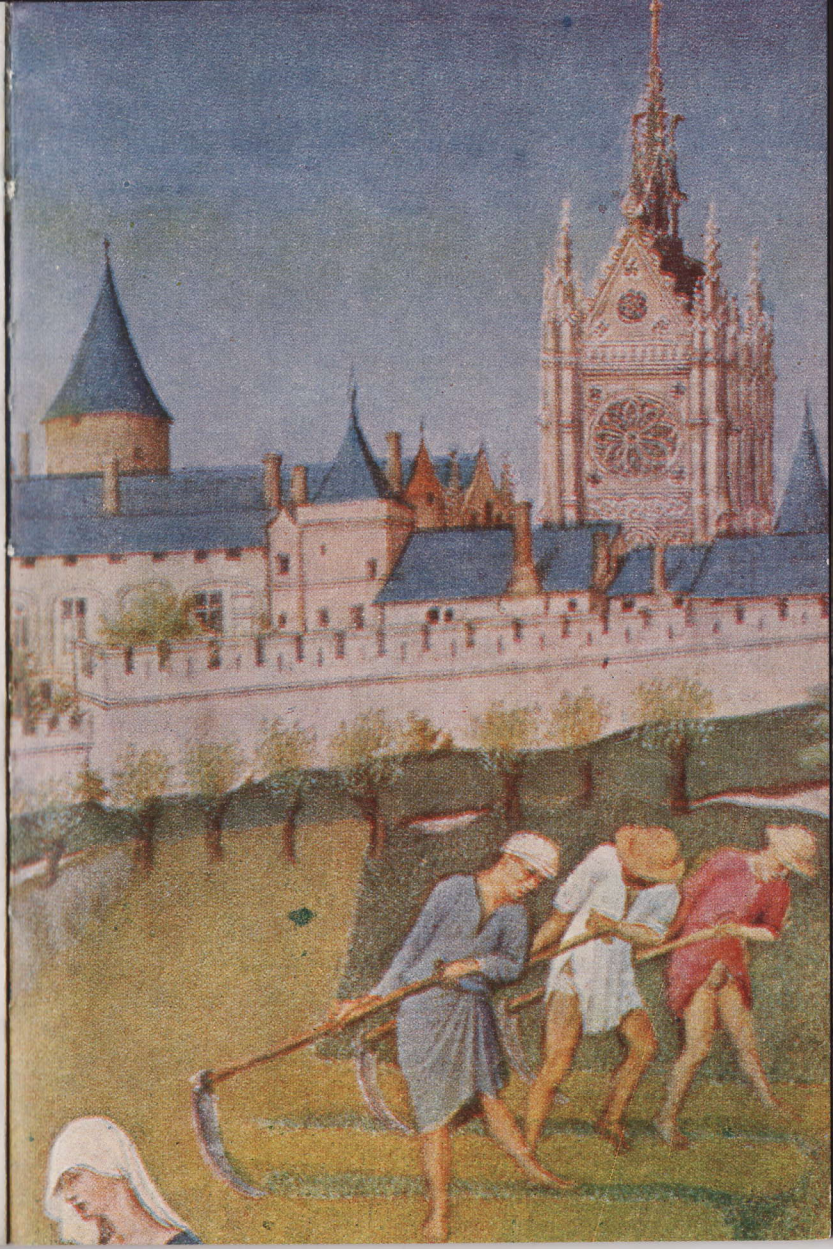
Ию
ско
Юн
ся
На
неш
в
оте
ско
объ
мест
чет
168
сре
зар
Оче
оте
мы
луг
бах
щив
сол
у с

грабли (несколько не изменившие своего вида и в наше время), у другой деревянные вилы. Свобода и мастерство, с каким переданы вечные, как мир, движения косцов, не знают аналогий в европейском искусстве того времени. Точность в передаче деталей удивительно сочетается здесь с поэтичностью в восприятии целого. Кисть художника не спешит — ей чужда торопливая жажда конечного результата; с благоговейным вниманием замечает мастер и тонкие стебли травы, выделяющиеся на фоне ноги женщины, и камыши в небольшой заводи, и лодку с гребцом, и его отражение в воде, и фигурки людей, толпящихся в галерее дворца на другом берегу. Столь же точен художник и в цвете, передавая различные оттенки травы, скошенного луга, сухого сена и т. д.

На другом берегу, на острове Сите, королевский дворец, окруженный

зубчатой стеной. Хорошо видны круглые башни Консьержери под черепичными крышами, чуть дальше — Башня часов, на которой в 1370 году были установлены первые в Париже часы, затем двоянный фронтон Большого зала, круглая, массивная башня Монтгомери и, наконец, драгоценное чудо готики Сен-Шапель с ее свинцовой кровлей, которую венчает «самый дерзновенный, самый отточенный, самый филигранный, самый прозрачный шпиль, сквозь кружевной конус которого когда-либо просвечивало небо» (Гюго). Небо на этой миниатюре особенно легкое, прозрачное, светлеющее к горизонту: в отличие от «Апреля» и «Мая», где густая лазурь воспринималась скорее как декоративный плоский фон, здесь создается ощущение пространственной глубины. В трактовке переднего плана и архитектурной части вообще заметна некоторая

разница: на переднем плане ни люди, ни предметы не отбрасывают тени, светотень здесь едва ощущается и то лишь при моделировке объема. В изображении острова Сите господствует иной принцип — художник намечает единый источник света и в соответствии с этим здания с одной стороны в свету, с другой — затенены. От каминных труб, башенок на синий шифер кровель падают легкие тени, особенно хорошо видны тени на крыше у подножия Сен-Шапель.

Внимательно взглядевшись в миниатюру «Июнь», мы видим, что луг с кочками, по крайней мере с трех сторон, окружен водой — это либо полуостров, либо остров. Нигде на планах старого Парижа на левом берегу Сены полуострова нет, зато рядом с Сите были два островка — севернее Коровий остров, южнее остров Жюиф, на котором в марте 1314 года был сожжен

магистр ордена Тамплиеров Жак Мале. При строительстве Нового моста в 1578—1604 годах оба островка были засыпаны. Возможно, действие в сцене сенокоса происходит именно на острове Жюиф.

В тимпане миниатюры — знаки зодиака: «Близнецы» и «Рак» (больше похожий на краба). Так же, как в «Феврале» и «Марте», тимпан заполнен астрономическими обозначениями. Однако во второй графе сверху допущена ошибка: вместо «Конец градусов «Близнецов» и «Начало градусов «Рака», читаем — «Конец градусов «Рака» и «Начало градусов «Льва». Иными словами, в «Июнь» по ошибке попала надпись из «Июля». Ошибка вкралась и в графу с лунными буквами, которая начинается с «е», хотя должна бы начинаться с буквы «q». Некоторое несоответствие в лунных буквах продолжается до «Октября».

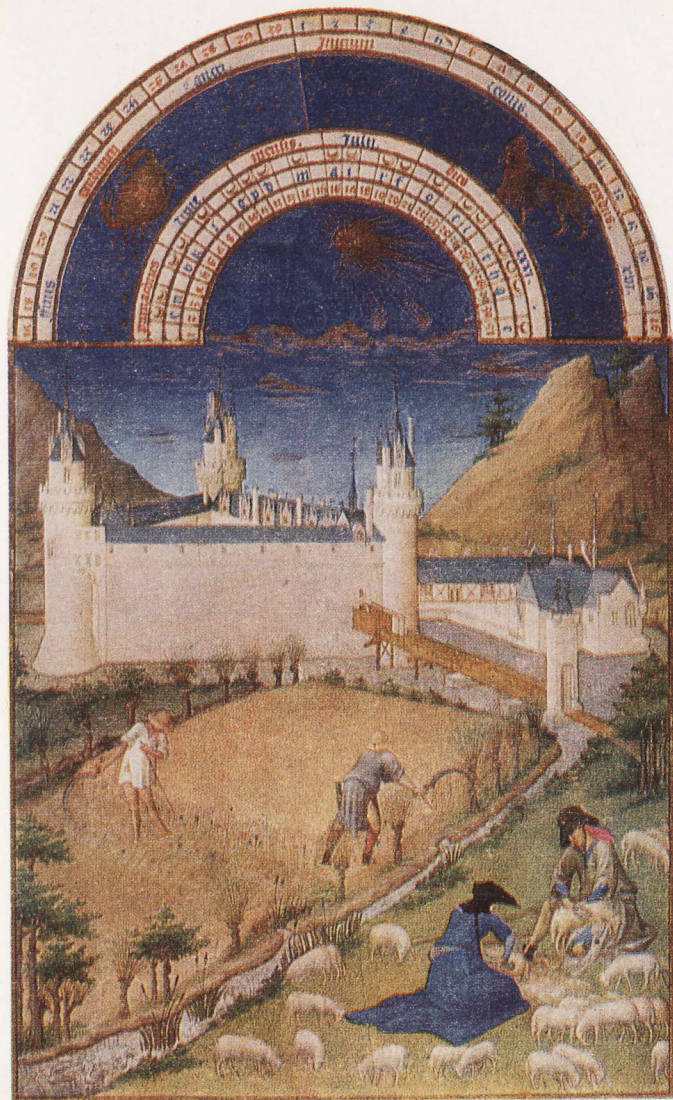
23—25

ИЮЛЬ

Июль — жнет хлеб

Июль — пятый месяц древнеримского календаря и седьмой — Юлианского. Прежде он назывался «квинтилис» (от латинского слова «quintilis» — «пятый»). В 44 году до н. э. он был переименован в июль — в честь римского императора Юлия Цезаря.

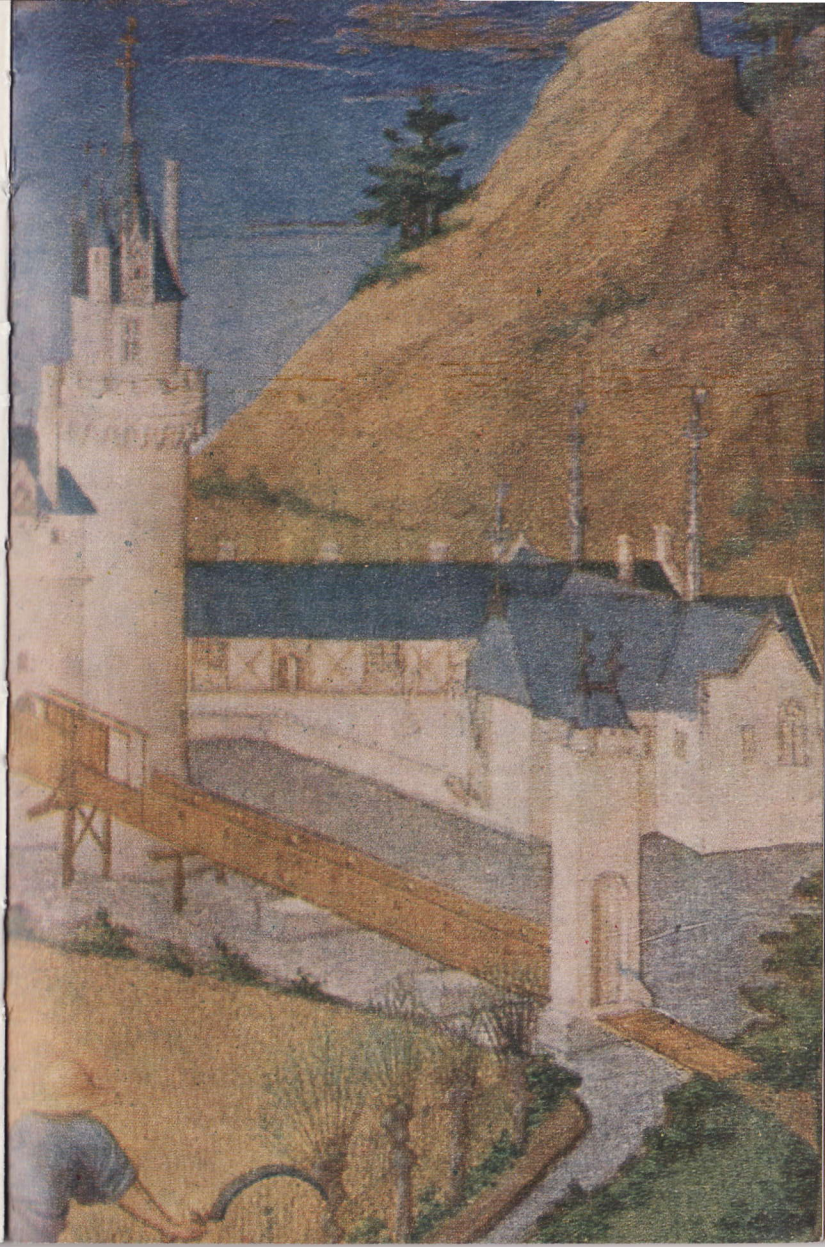
Июль — пора жатвы, и цвет его — золотистый, теплый, напоенный солнцем, цвет спелых хлебов. В миниатюре светлые охристые тона пшеничного поля, варьируясь, повторяются и в настиле деревянного моста, и в скалистых горах с кучами красноствольных сосен, и в плывущих по небу золотистых облаках. Яркие пятна лазури в одежде стригалей и неба, отеняя золото охр, заставляют их звучать особенно чисто и звонко; розовый — платье мужчины — усиливает зелень листьев. Исходя из соотношения крупных цветовых пятен, художник намечает как бы основные узлы композиции: стригали — жнецы —

замок Пуатье. Каждая тема, образуя свой особый маленький замкнутый мир, разрабатывается затем с чрезвычайной тщательностью. Выросшая после сенокоса отава прописана вплоть до каждой травинки; разбредшиеся по лугу овцы переданы во всем разнообразии поз и ракурсов, иногда довольно сложных: одни стоят боком, другие — вывернув вперед шею, третьи щиплют траву, широко расставив ноги или отставив в сторону одну ногу, две овцы, припав на колени, пьют из реки. В воде среди зарослей камыша плещутся лебеди, несколько белых птиц видны и вблизи замка. В поле, пестреющем васильками и маками, жнут двое крестьян, в руках у них серпы и длинные шесты с крючьями, которыми крестьяне помогают себе отделять пучок колосьев при жатве. (Точно такой же шест с крючком можно видеть на одном из рисунков Ван Гога.) Сжатая пшеница

ровными рядами ложится на землю, скрывая под своими стеблями босые ноги жнеца в белой камизе (вид одежды). Чтобы передать разницу в цвете стерни, колосьев, стеблей, художник находит различные оттенки желтого. За полем, на левом берегу реки Клен, виден белый, треугольный в плане замок Пуатье с тремя мощными угловыми башнями. В этой резиденции герцог часто проводил вместе с семьей летние месяцы. Замка больше не существует, сохранились лишь три каменных пилона в ложе реки, которые прежде служили опорами деревянного моста. В архитектуре башен заметно сходство с замком Лузиньян. Пуатье, построенный в XII—XIII веках, перестраивался при Жана Беррийском его архитектором Ги Даммартенем, который перестраивал и Лузиньян. В тимпане изображены знаки зодиака «Рак» и «Лев» и обычные астрономические данные.

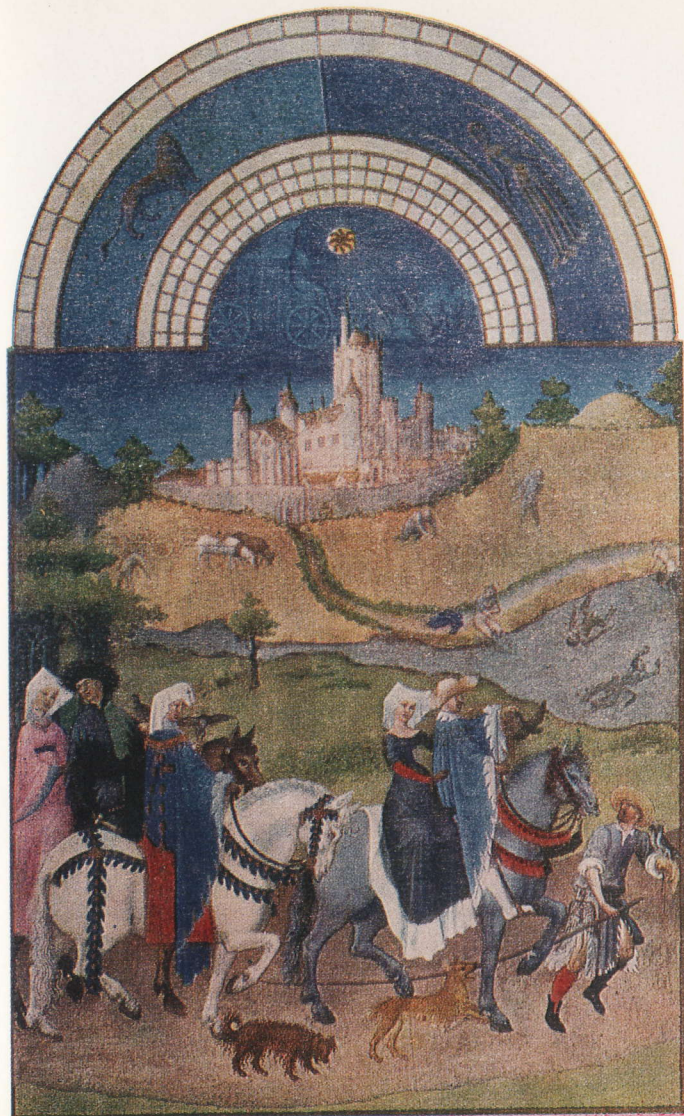
26—29

АВГУСТ

*Август — пора соколиной охоты и
уборки урожая*

Август — шестой месяц древнеримского календаря и восьмой — Юлианского. Прежде он назывался «секстилис» (от латинского слова «sextilis» — «шестой»). В 8 году до н. э. он был переименован в честь императора Октавиана Августа.

Сцена соколиной охоты дана на фоне замка Этамп: видны башни, капелла, маленькие домики под красными черепичными крышами и в центре огромный массивный донжон XII века, сохранившийся до наших дней.

У подножия замка на склонах холма крестьяне убирают урожай: жнут, вяжут снопы, грузят их на телегу. Другие купаются в реке Жьен: скинув платье, сидит на берегу женщина, опустив в воду ноги, словно не решаясь окунуться, другая, ухватившись за траву, выбирается на берег, в глубине барахтаются еще двое купальщиков. Их тела скрыты под водой, поэтому они другого цвета, и очертания их также несколько изменены преломлением воды.

У
к
ж
г
п
о
ш
з
б
к
п
н
г

Передний план миниатюры занят сценой охоты. Впереди в сюрко (вид верхней одежды) серого цвета, отделанном зубцами,— сокольничий. На его левой руке — два сокола, головки которых прикрыты специальными колпачками, в правой руке — длинный шест, также один из атрибутов соколиной охоты. Следом за ним — на конях нарядные кавалеры и дамы также с соколами. По поводу центральной фигуры в синем упенде высказываются разноречивые суждения.

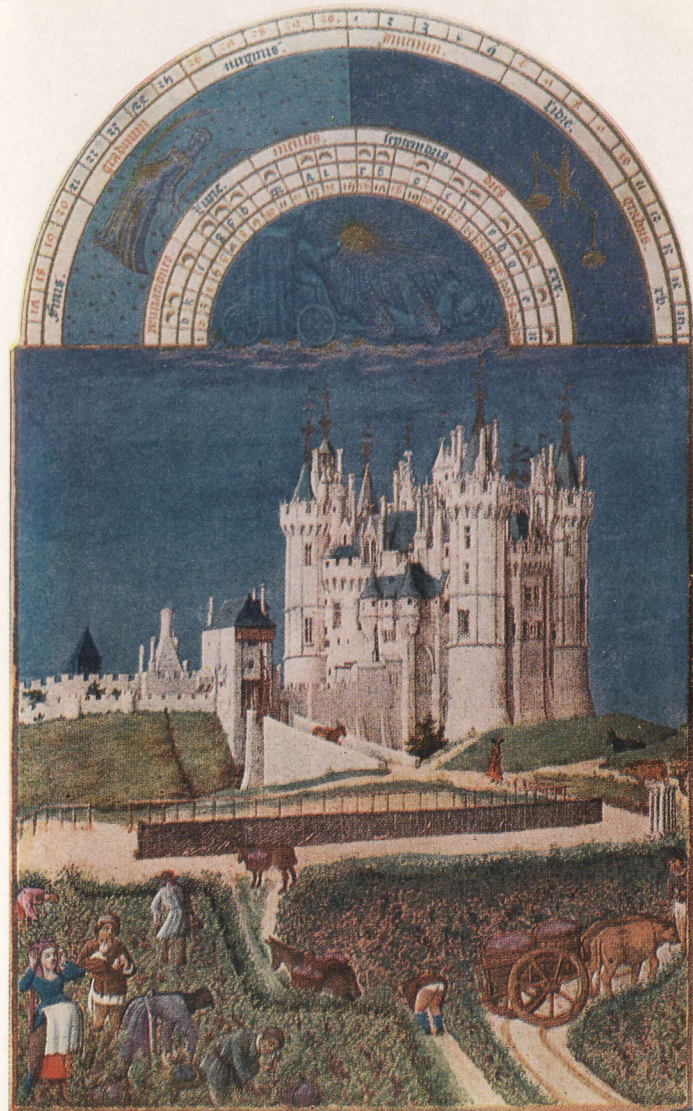

Французский ученый Дюррье называет ее амазонкой, ссылаясь на женское седло, головной убор и иноходца белой масти; синий упленд с зубцами мог быть и мужским и женским, так как с 1390 по 1425 год эта одежда была в моде и у женщин. Другие исследователи считают, что здесь изображен мужчина; так, Леу, автор монографии о Жане Беррийском, видит в этой фигуре изображение самого герцога. В тимпане — изображения знаков зодиака «Льва» и «Девы».

Сентябрь — собирает виноград

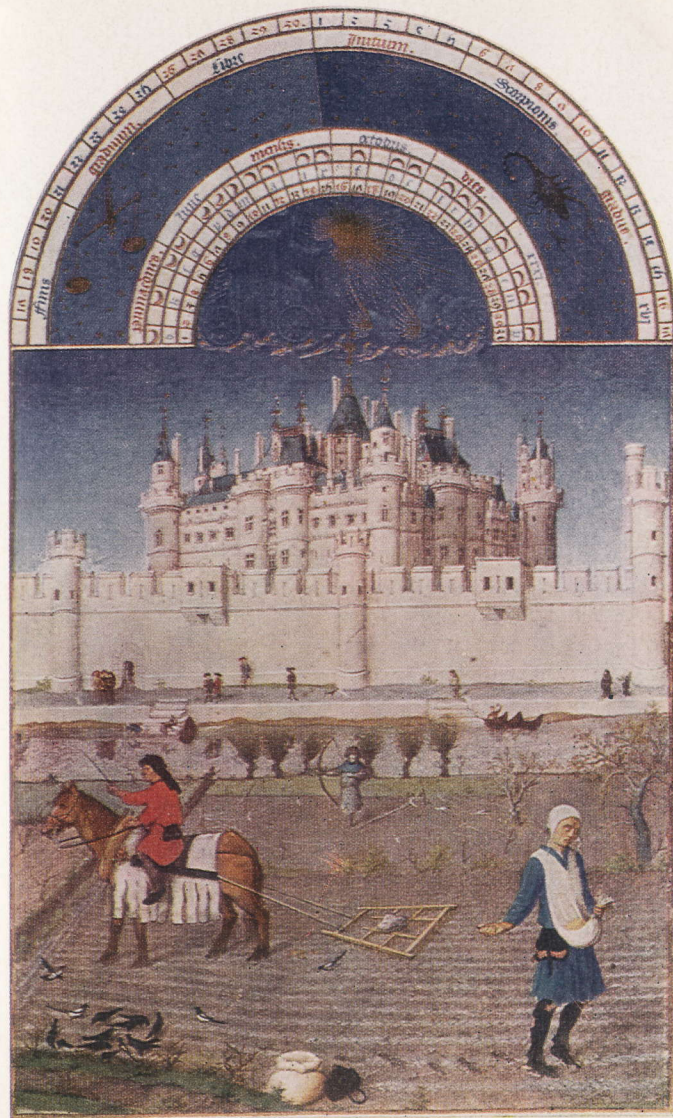
Сентябрь — седьмой месяц древнеримского календаря, девятый месяц — Юлианского. Название получил от латинского слова «september» — «седьмой». Миниатюра, сопровождающая календарь сентября, примечательна тем, что одна ее часть, а именно верхняя — с архитектурой, выполнена в эпоху герцога Беррийского, другая — нижняя, со сборщиками винограда — спустя много лет художником Жаном Коломбом. Разница между обеими частями проявляется и в стилистических особенностях, и в качестве красок, и в том, что отличает первоклассного художника, каким был Жан Коломб, от гениальных художников, какими, несомненно, были братья Лимбурги. С ювелирным мастерством здесь выточены все зубцы, башенки, каминные трубы и шпили, над которыми, позванивая, золотятся резные флюгера, флажки и геральдические лилии. Относительно идентификации самого замка мнения расходятся. Первоначально считалось, что изображен замок Бисетр, резиденция герцога близ Парижа, однако Дюррье на основании скрупулезных сопоставлений со старыми планами пришел к выводу, что это замок Сомюр. С ним согласно большинство исследователей. В тимпане — изображения знаков зодиака «Девы» и «Весов».

Октябрь — пора осенней пахоты

Октябрь — восьмой месяц древнеримского календаря и десятый — Юлианского. Он ведет свое название от латинского слова «october», что значит «восьмой».

На миниатюре «Июнь» был представлен пейзаж, расстилавшийся на северо-восток от Нельского отеля, теперь перед нами, по всей вероятности, вид из окон того же отеля на северо-запад, в сторону Лувра. Художник изобразил южный и восточный фасады дворца и набережную Сены. Миниатюра Лимбурггов — один из ценнейших исторических документов, позволяющих реконструировать облик Лувра конца XIV — начала XV века, впоследствии полностью перестроенного. Хорошо видна массивная башня центрального донжона, возведенная Филиппом Августом в 1200 году. О существовании ее теперь можно догадаться лишь по кладке каменных плит, которыми вымощен Квадратный двор современного Лувра. Правее — угловая Портняжная башня и две сдвоенные — в центре восточного фасада. Затем идет башня Гран-Шпель — на углу восточного и южного фасадов и, наконец, сдвоенные башни с зубцами, фиксирующие центр южного фасада. Остроконечные кровли, покрытые голубоватым шифером, кружевные обрамления

люкарн, фигурки химер — водосливов, целые заросли каминных труб, колоколенок, башенок, шипцов и резных флюгеров придают дворцу праздничный и торжественный облик.

Мастерство и точность глаза — удивительны: Лимбурги свободно владеют искусством светотени, причем только в этой миниатюре, да еще в «Декабре», с такой последовательностью проводится принцип единого источника света, помещенного, как всегда, слева. Свет помогает мастеру создать ощущение композиционного единства, объединяя отдельные планы в одно целое.

По набережной прогуливаются горожане, бегают собаки, стоят на причале лодки, на мостках у воды женщины стирают и полощут белье, стучат вальками. Художник не забывает показать отражение всего этого в быстрых водах Сены, а также изобразить тени прохожих, собак и т. д. На левом берегу Сены (нынешняя набережная Малаке) — распаханное под озимь поле. Оставляя на влажной борозде глубокие следы, движется сеятель в синей котте (вид мужской одежды) и белом чепце, на его башмаки налипли тяжелые комья земли, позади целая стая птиц, среди которых выделяются своим ярким черно-белым

оперением сороки. Чуть подалее другой крестьянин боронит верхом на лошади; чтобы борона забирала глубже, на нее сверху положен большой камень. Крестьянская лошадь, непохожая своими грузными пропорциями на тех коней, что гарцевали в «Мае» и «Августе», спокойно и привычно ступает в борозду. На другом поле, ближе к Сене, сев уже закончен. Для отпугивания птиц поставлено чучело стрелка и натянуты веревки с лоскутами материи.

Поразительно мастерство, с каким художник передает здесь эффекты солнечного освещения, показывая один фасад Лувра в свету, другой — затененным, с освещенными солнцем башенками. На землю ложатся легкие прозрачные тени от сеятеля, всадника, прыгающих сорок, фигурок прохожих у подножия зубчатой стены. Изображение жизни людей в ее реальных связях и отношениях, завоевание пространства и световоздушной среды — все это было, несомненно, в начале XV века величайшим открытием, которое могли совершить лишь художники такого масштаба, как братья Лимбурги.

В тимпане — знаки зодиака «Весы» и «Скорпион» с соответствующими градусами.

НОЯБРЬ

Ноябрь — собирает желуди

Ноябрь — девятый месяц древнеримского календаря и одиннадцатый — Юлианского. Его название происходит от латинского слова «november» — «девятый».

Миниатюра «Ноябрь», кроме тимпана со знаками зодиака «Скорпион» и «Стрелец», выполнена, как полагают, Жаном Коломбом в 80-х годах XV столетия. Сейчас можно лишь гадать, почему при жизни герцога оказался пропущенным именно ноябрь — месяц, в котором он родился, 30 числа, в день св. Андрея, который считался покровителем Жана Беррийского. Возможно, именно по этой причине самому герцогу или братьям Лимбургам хотелось как-то особенно выделить миниатюру этого месяца, и она была оставлена напоследок.

Поскольку работа над часословом была прервана внезапной смертью и художников и заказчика, лист так и остался пустым. Колумб, продолжая работу над завершением часослова, выбирает для «Ноября» традиционную тему, изображая свинопасов, сшибающих желуди для свиней. В конце месяца свиней обычно закалывали и коптили окорока, что часто приурочивалось ко дню св. Андрея — отчего в народе он и назывался «Андрей-ветчинный».

Композиция, изображение человеческих фигур, решение пространства и цвет — все здесь говорит о руке другого художника. Но самое главное отличие проявляется в том, что Лимбург, обращаясь, казалось бы, к частному, единичному, умели выразить в этом частном — всеобщее, отчего

их миниатюры воспринимаются и как изображение определенного события и как символ человеческого бытия вообще, воплощение вечных законов природы. У Колумба же изображение свинопасов, свиней и пса остается в рамках единичной однозначности, и хотя и в этой сцене есть аллегория, но до символа ей не подняться.

В тимпане, кроме упомянутых знаков зодиака, даны астрономические данные на ноябрь, правильность которых можно проверить: зная номер лунного круга, например 1973 года — 14, что соответствует букве «О». Находим ее в графе лунных букв — она стоит против числа 17, делаем поправку на 7, как это указывалось в комментарии к «Марту», действительно, новолуние в 1973 году приходилось на 24 ноября.

ДЕКАБРЬ

Декабрь — закалывает свиней, коптит окорока

Декабрь — десятый месяц древнеримского календаря, двенадцатый — Юлианского. Название идет от латинского слова «december» — «десятый».

Миниатюру «Декабрь» иногда называют «Алали» («Hallali») — охотничий клич, возвещающий, что добыча настигнута. В прекрасных дубовых рощах вокруг замка Венсен некогда в изобилии водились олени, лани и кабаны. Это были любимые охотничьи уголья французских королей. 30 ноября 1340 года в Венсенском замке родился Жан Беррийский — очевидно, именно поэтому на миниатюре, открывающей декабрь, изображен этот старинный, причудливой архитектуры замок. Мощный донжон Венсенского замка, находящегося на юго-восточной окраине Парижа, и сегодня возносит свои громады в парижское небо.

На переднем плане с редким мастерством сумел передать художник яростный накал охоты, ее кульминацию, когда разъяренные псы всем скопом атакуют огромного вепря. Охотники оттаскивают псов, а один из них трубит в рог звонкое «ала-а-ли», возвещающее удачный конец охоты.

В тимпане — «Стрелец» и «Козерог», все графы заполнены, и мы можем узнать, когда будет новолуние в декабре любого года.

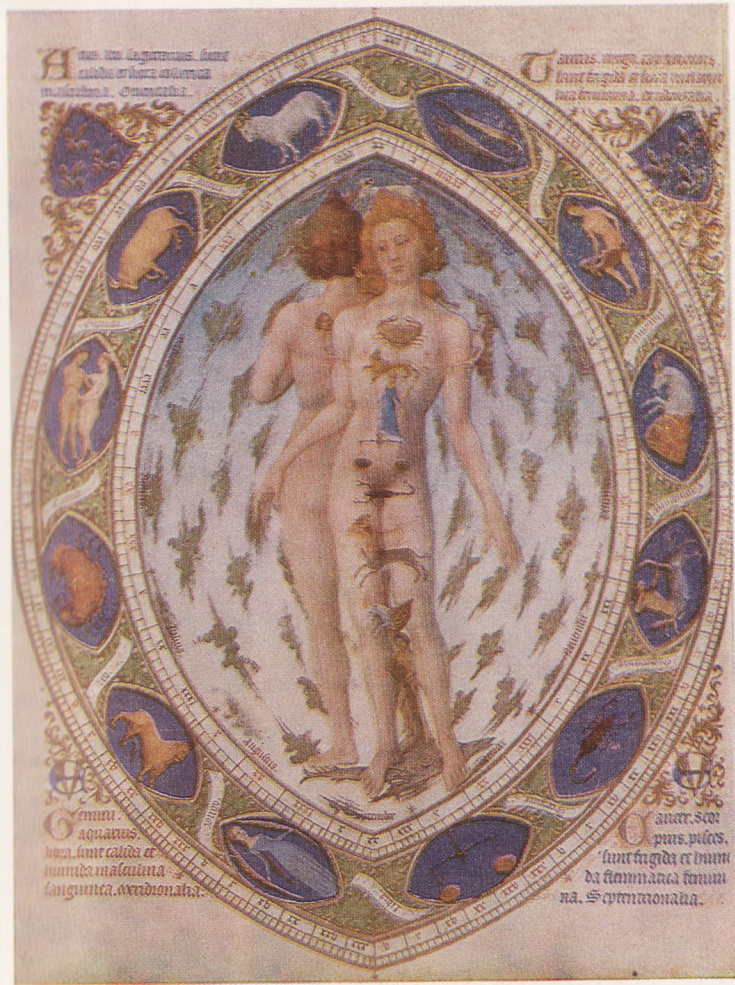

ЧЕЛОВЕК СО ЗНАКАМИ ЗОДИАКА

*Когда луна в Овне, Льве и Стрельце,
лучше всего делать кровопускание
холерикам*

Одной из самых загадочных, вызывающих наибольшие споры миниатюр, является «Анатомический человек», или «Человек со знаками зодиака». Ни в одном из известных нам рукописных часословов подобной миниатюры нет. Среди различных гипотез наиболее интересной представляется та, что связывает данное изображение с медицинской доктриной позднего средневековья, в основе которой лежало убеждение о связи человека со Вселенной, о влиянии зодиака, планет и луны на человеческий организм*. Согласно этой доктрине считалось, что человек — микрокосм, он состоит из четырех макрокосму, он состоит из четырех стихий: земли, воздуха, огня, воды и наделен четырьмя основными качествами — это жар, холод, влажность,

* Эта гипотеза была высказана в статье Гарри Бобера «Зодиакальная миниатюра часослова герцога Беррийского»

сухость. Темпераменты человека: сангвинический, холерический, флегматический, меланхолический—определяются господством одного из основных жизненных флюидов (соков или жидкостей), к которым относятся кровь, желтая желчь, мокрота, черная желчь. Общий физический склад человека зависит от его соотношения с небесными сферами; зодиак — внешний пояс — управляет наружной анатомией человека, планеты — внутренними органами, луна, имеющая наибольшее влияние на земные жидкости (морские отливы и приливы), также вызывает увеличение или уменьшение жидких флюидов. «Луна вызывает увеличение всех соков, как это видно в костях, которые больше наполнены соком, когда она полная», — писал Бартоломей Английский (Bartolomaeus Anglicus). Считалось, что все болезни происходят от нарушения равновесия соков, поэтому главная задача врача—

восстановить это нарушенное равновесие. Не удивительно, что кровопускание в средние века (да и позже) было самой распространенной процедурой как профилактической, так и лечебной медицины. Для применения этой операции необходимо было учитывать возраст пациента, запас его крови, а также необходимо было установить положение луны относительно зодиакального знака, управляющего заболевшим органом, ибо лечение этого органа считалось опасным, когда луна находилась в его знаке. Издавались специальные законы, предписывающие: «Чтобы отныне ни один цирюльник или цирюльница (дословно брадобрей или брадобрейка) не смели пускать кровь никакому человеку... иначе как только при доброй луне». (Закон, изданный в 1400 году в Каркалоне.) Таким образом, для этой распространенной процедуры необходимо было знание астрономических

данных для каждого определенного дня. При испытаниях на звание врача требовали не только знания расположения вен, но и сроков, когда можно пускать кровь. Врач должен был часто обращаться к таблицам движения луны и планет по зодиаку. Существовали специальные квадранты для врачей, похожие на вычислительные инструменты астрономов и навигаторов. Изображение «Человека со знаками зодиака» типично для медицинских трактатов того времени. Однако в отличие от нашей миниатюры они представляют собой сухие схемы, не имеющие никакого отношения к искусству. Лимбурги сумели выполнить «Зодиакального человека», который по своему назначению являлся, очевидно, пособием для медицинской практики того времени, с удивительным изяществом. Голову венчает фигурка Овна, шею ведаст Телец, из-за плеч грациозно выглядывают Близнецы и т. д.

Много споров вызвала вторая фигура, стоящая спиной и представляющая собой почти зеркальное отражение фронтальной (за исключением цвета волос и положения рук). Одни исследователи высказывали предположение, что источником двойственности может служить изображение двуликого Януса, часто встречающееся в средневековых рукописях, другие видели здесь одну из диад: Горе и Радость, День и Ночь, Восток и Запад. Но наиболее убедительным представляется предположение, что это так называемый «Человек с венами», изображение которого обычно помещалось в медицинских трактатах наряду с «Зодиакальным человеком». Иными словами, перед нами своеобразное старинное пособие, указывающее место и время кровопусканий.

Изящество и свобода, с каким Лимбурги изображают обнаженное тело, для этой эпохи исключительные.

породили различные предположения о том, что могло послужить им источником. Указывалось, в частности, на некоторое сходство фигур с античной группой «Три грации» в Сиенском соборе, которую художники, или один из них, могли видеть, путешествуя по Италии.

Центральные фигуры окружены овальным обрамлением в форме мандорлы, которое содержит названия месяцев, начиная от головы — с «Марта». Против него римские цифры X—XX—XXXI — дни месяца и знак зодиака «Овен», затем влево, вниз «Апрель» — XXX дней, и его знак — «Телец». Об этом свидетельствуют и надписи на белых лентах. Следующая графа содержит цифры от V до XXX, означающие градусы зодиака, — 12 знаков по $30^\circ = 360^\circ$, то есть полный круг. В верхних углах помещен герб герцога Беррийского — золотые лилии на синем фоне, в нижних — его девиз

«VE». Наконец, идут надписи, содержащие классификацию людей, в зависимости от того знака зодиака, под которым они родились: темперамент, сущность, качества и т. д.

«Овен», «Лев», «Стрелец» (верхний левый угол) — горячие, сухие, холеричи, мужественные, восточные. «Телец», «Дева», «Козерог» (верхний правый) — холодные, сухие, меланхолики, женственные, западные. «Близнецы», «Водолей», «Весы» (нижний левый) — горячие, влажные, мужественные, сангвиники, южные. «Рак», «Скорпион», «Рыбы» — холодные, влажные, флегматики, женственные, северные. Предполагают, что пустые листы, имеющиеся в манускрипте, предшествующие «Зодиакальному человеку», были оставлены для специальных таблиц, указывающих движение луны по знакам зодиака. Этими таблицами мог пользоваться врач при лечении пациента.

1. Добиаш-Рождественская О. А. Выставка западных часовников с миниатюрами в Публичной библиотеке.— «Библиотечное обозрение», 1927, № 1—2
2. Нейгебауер О. Точные науки в древности. М., 1968
3. Селешников С. И. История календаря и хронология. М., 1970
4. Vober H. The Zodiacal Miniature of the «Très riches Heures» of the Duke of Berry. Its Sources and Meaning.— «Journal of the Warburg and Courtauld Institutes», XI, 1948, pp. 1—34
5. Delisle L. Les livres d'heures du duc de Berry. — «Gazette des Beaux-Arts», XXIX, 1884, pp. 97—110, 281—292, 391—405
6. Durrieu P. Les très riches Heures de Jean de France, duc de Berry. P., 1904
7. Gallois E. Le costume en France des Mérovingiens à François I, P., 1955
8. Guiffrey J. Inventaires de Jean duc de Berry. T. 1—2. P., 1894—1896

9. Hillairet J. Dictionnaire historique des rues des Paris. P., 1963.
10. Huizinga J. Le déclin du moyen age. P., 1967
11. Lehoux F. Jean de France, duc de Berry. Sa vie. Son action politique (1340—1416). T. 1—4 P., 1966—1968
12. Leroquais V. Les livres d'heures. Manuscrits de Bibliotheque National. P., 1927
13. Longnon J. et Cazelles R. Les très riches Heures du duc de Berry. P., 1970
14. Malo H. Les très riches Heures du duc de Berry. P., 1933
15. Meiss M. French painting in the time of Jean de Berry. Vol. 1—2. L., 1960, 1968
16. Panofsky E. Early Netherlandish Painting. Its Origin and Character. Vol. 1—2. Cambridge, Massachusetts, 1953
17. Porcher J. Les très riches heures du duc de Berry. P., 1950
18. Porcher J. L'enluminure française. P., 1959
19. Rühl F. Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit. Berlin, 1897

1. Миниатюра «Январь»
2. Фрагмент миниатюры «Январь»
3. Фрагмент миниатюры «Январь»
4. Фрагмент миниатюры «Январь»
5. Миниатюра «Февраль»
6. Фрагмент миниатюры «Февраль»
7. Фрагмент миниатюры «Февраль»
8. Фрагмент миниатюры «Февраль»
9. Миниатюра «Март»
10. Фрагмент миниатюры «Март»
11. Фрагмент миниатюры «Март»
12. Миниатюра «Апрель»
13. Фрагмент миниатюры «Апрель»
14. Фрагмент миниатюры «Апрель»
15. Фрагмент миниатюры «Апрель»
16. Миниатюра «Май»
17. Фрагмент миниатюры «Май»
18. Фрагмент миниатюры «Май»

19. Фрагмент миниатюры «Май»
20. Миниатюра «Июнь»
21. Фрагмент миниатюры «Июнь»
22. Фрагмент миниатюры «Июнь»
23. Миниатюра «Июль»
24. Фрагмент миниатюры «Июль»
25. Фрагмент миниатюры «Июль»
26. Миниатюра «Август»
27. Фрагмент миниатюры «Август»
28. Фрагмент миниатюры «Август»
29. Фрагмент миниатюры «Август»
30. Миниатюра «Сентябрь»
31. Миниатюра «Октябрь»
32. Фрагмент миниатюры «Октябрь»
33. Фрагмент миниатюры «Октябрь»
34. Миниатюра «Ноябрь»
35. Миниатюра «Декабрь»
36. Миниатюра «Человек со знаками зодиака»

На фронтисписе: Календарь января

В оформлении обложки использована
деталь миниатюры «Январь»

Альбом

БРАТЬЯ ЛИМБУРГИ.
«ВРЕМЕНА ГОДА»

Автор

Вероника Васильевна Стародубова

«Изобразительное искусство». Москва. 1974
Москва 129272, Сушевский вал, 64

Редактор Н. А. Проскурникова
Художественный редактор И. М. Русина
Технический редактор Н. Л. Неретина
Корректор Л. И. Гордеева

Макет и оформление И. А. Новичковой

Сдано в набор 9/Х-73 г.
А03568. Подписано к печати 19.III-74 г.
70×90^{1/32}. Бумага мелованная 120 гр.
Печ. л. 3,5 Усл.-печ. л. 4,05. Уч.-изд. л. 3,912
Изд. № 13-85. Заказ 3277. Тираж 40 000
Цена 1 р. 03 к.

Московская типография № 5 «Союзполиграф-
прома» при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли
Москва. Мало-Московская, 21

В истории мировой культуры есть памятники,
в которых человеческий гений
выражает себя с удивительной щедростью.

К таким абсолютным вершинам
духовного творчества человечества
принадлежат миниатюры «Времена года»,
созданные братьями Лимбургами
для «Великолепного часослова
герцога Беррийского» (1409—1416).

Миниатюры предназначались для украшения
календаря Часослова и посвящены трудам
и развлечениям 12 месяцев года.

Сцены придворной охоты и пиров перемежаются
с изображением пахоты, сенокоса, уборки урожая и т. д.

Помимо высоких художественных качеств,
календарь Часослова представляет огромный интерес
и как памятник средневековой науки и культуры,
дающий точные представления о costume, быте,
орудиях труда, утвари и т. д. того времени,
об архитектурном облике прославленных дворцов
и замков, многие из которых не сохранились
до наших дней или были перестроены.

Уникален во многих отношениях и собственно
календарь Часослова. По своему принципу
это так называемый «вечный календарь»,
по нему, сделав некоторые поправки,
можно определять дни недели любого года.

Расшифровка календарных данных,
сделанная автором, представляет большой интерес
и никогда ранее не публиковалась.

В СССР миниатюры братьев Лимбургов
«Времена года» в их полном составе
публикуются впервые.